

Первухин Николай Григорьевич

**Эскизы преданий и быта
иностранцев Глазовского уезда**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Григорьевич П.**
Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда / Первухин Николай
Григорьевич – М.: Книга по Требованию, 2025. – 145 с.

ISBN 978-5-521-27548-9

ISBN 978-5-521-27548-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

- 4) Козлы и козы.
- 5) Изъ домашнихъ птицъ: гуси, утки и куры.
- 6) Изъ дикихъ птицъ: утки, гуси, тетерева и рябчики.
- 7) Крупа разнаго сорта и соль.
- 8) Кашица или щи.
- 9) Разнаго рода печенія изъ тѣста.
- 10) Варенныя яйца и яичницы.
- 11) Пиво, брага и кумышка.
- 12) Клоки шерсти животныхъ, отдѣльныя перья или крылья и хвосты птицъ.
- 13) Куски разноцвѣтнаго ситцу, красная досталь и пятаки.
- 14) Мѣдныя и серебряныя монеты.

При этомъ всѣ животныя и домашнія птицы должны были быть опредѣленнаго пола, возраста и масти.

Такъ какъ жертвы эти приносились то по частнымъ (индивидуальнымъ) случаямъ, то въ интересахъ семьи, то отъ цѣлаго рода или селенія, то наконецъ во имя обще-вотскихъ интересовъ,—поэтому не только порядокъ и содержаніе молитвъ, но и мѣста для жертвоприношеній, и самые совершители ихъ являются различными въ разныхъ случаяхъ.

Частное лицо приносило жертву тамъ, гдѣ ему казалось это потребнѣе.—Общественныя жертвы чаще своего приносились въ семейныхъ чумахъ, такъ сказать, имѣющихъ

значеніе частныхъ моленъ у раскольниковъ и въ молитвенныхъ рощахъ при деревнѣхъ (вослѣськонни чатча). Для молитвъ одnodеревенцевъ нынѣ часто служитъ такъ назыв. «*дзэкъ-квала*» т. е. *большой чумъ*, имѣющій значеніе часовни и разъ навсегда опредѣленные мѣста въ сосѣднихъ лѣсахъ на старинныхъ могильникахъ,—въ поляхъ и по берегамъ рѣкъ. Для общихъ моленій родичей, при центральныхъ селеніяхъ рода, гдѣ-нибудь за деревней, въ чащѣ лѣса, ставился «*великій чумъ*» «*быдзымъ квала*», по своему значенію имѣвшій у вотяковъ сходство съ тѣми храмами древней Руси, божественные покровители которыхъ считались патронами и цѣлаго удѣла. Наконецъ, изрѣдка между поселеніями вотяковъ находились среди болотъ, въ мало доступныхъ чащахъ, поляны, называвшіяся «*губеръ-вось*», что значить: *мѣста общественнаго народнаго моленія*. Сюда къ «*быдзымъ квала*» лишь въ извѣстный годъ собиралось къ опредѣленному дню, какъ показываютъ старики, по нѣскольку десятковъ тысячъ изъ разныхъ уѣздовъ.

Описаніе частныхъ *чумовъ* (*квала*), а также «*великихъ чумовъ*» — «*быдзымъ-квала*» сдѣлано нами еще въ первомъ эскизѣ, при разсматриваніи значенія слова «*воршудъ*». «*Дзэкъ-квала*» въ настоящее время называется чумъ, стоящій въ деревнѣ-же,—но боль-

шею частью на задворкахъ и отличающійся отъ прочихъ чумовъ деревни большимъ просторомъ, а главное тѣмъ, что воршудный коробъ этого чума сохраняется въ неприкосновенности съ древнихъ временъ. Наконецъ «*дзэкь-квала*» отличается отъ частной «*квала*» и тѣмъ, что въ немъ, за исключеніемъ жертвеннаго мяса, — никогда ничего не варится. — По наружному-же виду и по внутреннему убранству онъ совершенно сходенъ съ частнымъ «*квала*».

Слово «*восяськонни-чатча*» имѣетъ два значенія: 1) Такъ называются небольшіе остатки лѣса, намѣренно не вырубленнаго гдѣ-нибудь на задворкахъ деревни, на пригоркѣ, у подножія или съ боковъ котораго протекаетъ рѣчка, ручеекъ или просто ключъ. Здѣсь совершаются иногда умиловительныя, а иногда просительныя и благодарственныя жертвы частныхъ лицъ, а также той или другой семьи. 2) Такъ называются: тѣ разъ навсегда установленныя мѣста въ ближайшихъ къ вотскому селенію лѣсахъ, которыя служатъ пунктомъ отправленія извѣстныхъ общественныхъ жертвоприношеній. Здѣсь, большею частью подъ елкой, устроенъ на козлахъ маленькій столикъ ($\frac{3}{4}$ арш. въ квадратѣ), покрытый досками и берестой, а по сторонамъ его стоятъ большіе (въ аршинъ шириною и сажень до 10 длиною) столы,

устроенные также на козлахъ, но нѣсколько ниже столика подъ елкой. Для сидѣнія съ обѣихъ длинныхъ сторонъ столовъ устроена на козлахъ-же лавка, состоящая изъ одной тесницы или даже полукруглаго края бревна. Поверхность столовъ также сдѣлана наскоро и нерѣдко состоитъ просто изъ жердинъ, подвязанныхъ мочалами или лыками къ перекладинамъ связывающимъ козла вверху. Въ елкѣ, подъ которой стоитъ маленькій столикъ, всегда можно встрѣтить въ качествѣ «*куяско-новъ*» воткнутыми то перья, обернутыя досталью,—то даже мелкія монетки, забитыя подальше въ кору.

«*Губеръ-восъ*» въ Глазовскомъ уѣздѣ указываютъ въ двухъ мѣстахъ: первый былъ верстахъ въ 5 отъ устья р. Убыти, на правомъ берегу этой рѣки, сажняхъ въ 100 отъ теперешняго черезъ Убыть моста на Вятско-Глазовскомъ трактѣ. Мѣстность эта не представляетъ изъ себя ничего замѣчательнаго: это—болотистое пространство, поросшее довольно высокою хвойной и лиственной зарослью, а посрединѣ и цѣлымъ небольшимъ лѣскомъ. Лѣсокъ этотъ, какъ рассказываютъ мѣстные жители, растетъ на болѣе высокомъ, а поэтому сухомъ мѣстѣ и составляетъ собою,—такъ сказать,—ограду довольно значительной кругловатой поляны, также сухой. Пройти на это мѣсто даже въ самое сухое

лѣто,—вслѣдствіе со всѣхъ сторонъ окружающаго вязкаго болота,—весьма трудно,—а въ дождливые годы почти совсѣмъ невозможно. Преданіе говоритъ, что когда русскіе сожгли *«быдзымъ-квала»* въ г. Хлыновѣ, вотяки собрали пепель и уголья и, избравъ поляну въ окружающихъ Хлыновъ лѣсахъ,—посѣяли на ней пепель и угли и построили здѣсь новый *«быдзымъ-квала»*, замѣнившій уважаемый всѣми вотяками Хлыновскій *«квала»*; но на первомъ-же моленіи приносимый въ жертву быкъ, уже раненый,—убѣжалъ оттуда, а такъ какъ упустить животное, обреченное въ жертву, по вѣрованіямъ вотяковъ язычниковъ,—должно было повести къ страшному несчастію для всего народа,—то за быкомъ пошли, чтобы отыскать и убить его на мѣстѣ,—если нельзя его будетъ привести обратно. Долго шли они по слѣдамъ быка и наконецъ нагнали его, весьма утомленнаго, именно на этомъ самомъ лѣсномъ островкѣ, среди болота, на берегу р. Убыти. Быкъ былъ еще живъ и здѣсь-же на мѣстѣ былъ принесенъ въ жертву. Думая видѣть въ этомъ указаніе божества, а также усмотрѣвъ большое удобство мѣстности со стороны ея изолированности, пришедшіе сюда вотяки порѣшили остаться здѣсь и перенести сюда *«быдзымъ-квала»* изъ подъ Хлынова. Сюда на Убыть, какъ и въ Хлыновскій *«квала»*.

собирались на 3-й годъ осенью вотяки въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ и каждый разъ мѣнялось направленіе тропинки съ края болота до поляны, такъ какъ самая тропинка образовывалась лишь настилкою сучковъ и досокъ чрезъ болото. Когда явилось христіанство въ с. Еловѣ съ такимъ дѣятельнымъ миссіонеромъ, каковъ былъ Веніаминъ Ившинъ, вотяки почувствовали себя не въ безопасности и на Убыти, а потому перенесли *«быдзымъ-квала»* верстъ на 40 выше по теченію Убыти по тому-же берегу, въ лѣса, близъ поч. Мало-Венижскаго. Еще и сюда пріѣзжали во множествѣ вотяки разныхъ уѣздовъ на богомолье, также черезъ 2 года на третій, пока въ 50-хъ годахъ *«быдзымъ-квала»* на этомъ мѣстѣ не былъ сожженъ миссіонеромъ о. Петромъ Мышкинымъ. По описанію о. Петра и здѣсь *«Губеръ-восъ»* являлся среди лѣса сухою поляною, окруженною глубокимъ и вязкимъ болотомъ, ходъ черезъ которое былъ по весьма узкой, почти незамѣтной тропинкѣ, представлявшей единственный путь сообщенія *«Губеръ-восъ»* съ окружающею мѣстностью. Перенесенъ-ли отсюда куда-либо *«быдзымъ-квала»* въ другое мѣсто или такъ и кончилъ свое существованіе,—неизвѣстно.

Преданіе о такихъ передвиженіяхъ *«губеръ-восъ»* записано нами со словъ о. протоіерея

Глазовскаго собора о. І. В. Дернова, который самъ слышалъ его отъ вотяковъ. Интересно, что совершенно также въ Пужмезскомъ приходѣ рассказываютъ объ основаніи дер. Ворцинской и о происхожденіи названія одного пригорка и починка *«Гордъ-омъ»* (красный быкъ). Поэтому разсказу, быкъ убѣжалъ изъ Шурги Сарапульскаго уѣзда, даже съ жертвеннымъ ковшомъ на рогахъ,—также былъ преслѣдуемъ и найденъ въ болотѣ подлѣ пригорка, названнаго по быку. Послѣ чего здѣсь и поселилась цѣлая деревня выходцевъ изъ Шурги, на мѣстѣ носящемъ теперь названіе *«Вужъ-гуртъ»*, откуда переселилось въ дер. Ворцинскую. Указаніе же въ преданіи о *«губеръ-востъ»*, что на основаніи новаго *«быдзымъ-квала»* подъ Хлыновымъ взяты были пепель и угли отъ сгорѣвшей древней Хлыновской *«квала»* и перенесены въ лѣсъ, гдѣ и посѣяны,—находитъ себѣ соотвѣтствіе въ разсказѣ 74-хъ лѣтняго старика Лыпской вол., починка Стеньгутскаго, Васил. Кирил. Ложкина: — «Помню я», — говоритъ онъ, — «когда стоялъ еще *«быдзымъ-квала»* въ Полѣ на полѣ,—а когда тамъ сожгли его попы (т. е. христіанскіе миссіонеры), наши старики ночью смели весь пепель и всѣ уголья въ чистые горшки и принесли ихъ на поляну въ лѣсъ, между поч. *Дологуртъ* и *Шорогуртъ* (верстъ за 20 отъ прежняго

мѣста) и здѣсь стали строить новый *«быдзымъ-квала»*. Выкопали они ямы для столбовъ и въ нихъ положили уголья,—а потомъ,—когда построили зданіе,—крѣпко на крѣпко убили землю на полу, какъ убиваютъ для тока, и посѣяли по всему полу пепелъ, принесенный изъ Полома. Въ молодости и я съ дѣдомъ и отцомъ бывалъ въ этомъ *«быдзымъ-квала»*, но онъ стоялъ не долго. Прослышали мы, что и здѣсь сожгутъ его и старики сняли его и перенесли куда-то въ лѣса за р. Лыпъ, въ Юскинскій приходъ, а стоитъ-ли онъ тамъ и теперь или нѣтъ,—того я не знаю. Первую общественную жертву *«кур-бонъ»* совершалъ не нашъ *«курискысъ»*, а старикъ *«высаясъ»*, котораго нарочно призывали на первую жертву изъ Старой Пурги (нынѣ Старое село, Сарапульскаго уѣзда).

Приносителями жертвъ частныхъ могли быть не только мужчины, но и женщины. Только не достигшіе совершенно-лѣтняго возраста парни и дѣвки едва-ли сами дѣлали жертвоприношенія *«куясконы»*: за нихъ, какъ кажется, и прежде всегда (какъ и теперь) приносили жертву старшіе. Семейную жертву приносятъ старшій въ семьѣ (*кузе*), а нынѣ иногда приносятъ и выборный жрецъ (*«понъ»*). *«Понъ»* этотъ выбирается стариками въ большинствѣ вотскихъ деревень за умѣнье составлять и читать молитвы. Умѣнье это

потребно потому, что хотя въ языческихъ молитвахъ всюду одинаковы: а) извѣстныя молитвенныя формулы (Остѣ, возьма, курьськомъ и т. д.), б) слогъ, напоминающій по параллелизму словъ и по частому употребленію эпитетовъ эпическій слогъ древнихъ русскихъ былинъ (*зарчи*—золотой, *азвесъ*—серебряный, *шудъ-буръ*—счастье—довольство, *улонъ-вылонъ*—жизнь бытъе, *шуньтъ-небытъ*—теплый тихій и т. п.) и наконецъ в) содержаніе вообще; но и заключается множество совершенно индивидуальныхъ подробностей, вызываемыхъ чисто случайными условіями, при которыхъ совершается жертвоприношеніе. Всякій вотякъ, достигшій зрѣлаго возраста, и нынѣ еще, въ большинствѣ случаевъ, можетъ прочесть молитву при томъ или другомъ случаѣ жертвоприношенія родового или общественнаго; но, какъ говоритъ русская пословица,—«всякій спляшетъ, да не какъ скоморохъ» и между вотяками находятся такіе люди, которые по природѣ своей болѣе способны къ краснобайству, если не сказать, къ поэзій, —а при этомъ обладаютъ и нѣсколько большимъ нахальствомъ или смѣлостью сравнительно съ другими и почти всегда способностью выпивать довольно значительное количество кумышки, не пьянѣя. Такой *«монъ»*, при совершеніи жертвоприношеній, мало чѣмъ отличается въ своемъ костюмѣ

отъ окружающихъ его вотяковъ. — Правда, — во время жертвоприношенія одинъ онъ стоитъ на первомъ мѣстѣ; одинъ онъ — въ шапкѣ иногда даже въ особомъ колпакѣ; одинъ онъ же читаетъ молитву и дѣлаетъ возліанія или бросаетъ въ огонь части жертвы для сожженія; но все это можетъ точно также сдѣлать для рода и каждый старшій въ семьѣ, не имѣющій въ деревнѣ значенія *«топа»*. Явился этотъ выборный (*) *«топъ»* уже подѣ влияніемъ христіанской религіи и какъ-бы въ соотвѣтствіе христіанскимъ священникамъ мѣстныхъ церквей, а потому и въ обрядахъ ими выполняемыхъ можно видѣть подражаніе христіанскимъ обрядамъ. Таковъ обрядъ *«лемъ-нянь»*, съ которымъ подробнѣе мы познакомимся ниже. Но современный *«топъ»* является лишь исполнителемъ обрядовъ; время-же для жертвоприношенія и сущность жертвы нормальной опредѣляется сходомъ (кэнэпъ), а экстренной ворожцомъ (туно). Очевидно, что роль его не главная. Всегда ли же такъ было? Кто совершалъ жертвы до *«топова»*? На это отвѣтъ даютъ намъ и старики, а главное языкъ народа. Дѣйствительно, кромѣ заимствованнаго отъ русскихъ слова *«топъ»*, вотяки Глазовскаго уѣзда имѣютъ въ языкѣ своемъ 3 названія для

(*) Примѣчаніе. Порядокъ его выбора будетъ указанъ нами нѣсколько ниже.